

ЛЮБЛЮ!

Экран и
сцена —
1995 — 23 —

30 марта

- С. Б.

К

ОГДА молодой режиссер Н. Горчаков захотел поставить в Художественном театре старую мелодраму «Две сиротки» и стал обсуждать с К. С. Станиславским распределение ролей, тот предложил ему занять в спектакле О. Л. Книппер-Чехову. «Ольга Леонардовна, — говорил Станиславский, — внесет в работу свойственный ей вкус, она знает манеры, при ней все будут по-другому держаться на репетициях... Пообещайте ей замечательные костюмы, мы дадим их шить Надежде Петровне (Ламановой, знаменитой портнихе-художнице). Каждая актриса в душе прежде всего женщина, и это в них надо поддерживать; без женщины в спектакле пусто и неудобно... Кроме того, надо, чтобы зритель поверил, что графиня де Линьер могла согрешить из любви — Ольга Леонардовна сможет это передать с громадным шармом, и в ней много женственности».

Станиславский почти с истощающей полнотой определил важнейшее, может быть, просто решающее место женщины — актрисы в театре. Действительно, без женщины в спектакле пусто и неудобно, может быть, именно поэтому я недолюбливаю так называемые политические, публицистические спектакли, ибо женщины в них обычно оказываются на втором плане. Обаяние женственности, способность передать «с громадным шармом» женскую греховность, умение носить «замечательные костюмы» — все это придает театральному зрелищу особую прелесть.

Царский выход

В каждом из моих спектаклей царила актриса, именно она прежде всего приносила успех — таинственная, мудрая женственность Л. Добржанской в «Каса Маре» и «Средстве Макропулоса», дерзкое озорство и столь же дерзкий драматизм Л. Фетиновой в «Фабричной девчонке», трогательная фанатичность Л. Толмачевой в «Старшей сестре», нервная сила Р. Быковой в «Анне», угловатая порывистость Е. Никишихиной в «Антигоне», голубиная чистота А. Константиновой в «Палубе», великолепие Т. Дорониной в пьесе Э. Радзинского «О женщине...», ошеломляющее простодушие В. Васильевой в «Воительнице», титанический юмор М. Мирановой в «Мужчине и женщине», грациозное величие Е. Гоголевой в «Мамуре» и «Холопах», причудливое соединение романтики и скепсиса у Э. Урусовой в «Письмах Асперна» — все эти женские образы всегда живут в моем благодарном режиссерском сердце.

И сейчас я увлечен работой с Л. Новак, С. Пелиховской, Н. Беспаловой, О. Мысиной и другими актрисами Нового театра. Должен сказать, что не только на сцене, но и за кулисами творчество женщины поистине драгоценно. Станиславский советовал Горчакову пообещать Книппер-Чеховой замечательные костюмы. Художница Н. Закурдаева создает в Новом театре костюмы действительно замечательные, а художник по гриму Л. Мейерхольд умеет причесать и загримировать актрис таким образом, что никто не смеет сомневаться в их красоте и молодости.

Я счастлив тем, что мне довелось

не только репетировать с большими актрисами, но и писать о них. Стремление записать впечатления об искусстве Улановой, Бабановой, Вирман, Шелест, гнало меня от режиссерского стола к письменному.

И сейчас театр жив прежде всего дарованиями и обаянием Актрис; на каждой букве алфавита вы найдете блистательные имена — от Ахеджаковой, Алентовой, Андрейченко, Борисовой, Брагарник, Балтер до замечательной плеяды Яковлевых — Ольги, двух Елен — из «Современника» и «Сатиры».

Может, быть, некоторым современным актрисам недостает того, что Станиславский ценил в Книппер-Чеховой — «она знает манеры». Но и это почти всегда поправимо, потому что каждая настоящая актриса обладает тем природным изяществом, которое помогает изучить самые изысканные манеры. Настоящая женственность и артистичность инстинктивно не допускает уступок вульгарности и дурному вкусу.

День театра заставляет вспомнить о том, что в театральной империи на троне всегда царица, королева, самодержица, императрица — ее величество Актриса!

Б. ЛЬВОВ-АНОХИН.